

Отдѣльные номера „Фаланги“ — по 20 к. за экземпляръ — продаются: въ Петербургѣ — въ книжномъ магазинѣ газеты „Новости“, у Эмили Гартге, у С. Хлѣбникова, Н. Мамонтова; въ Москвѣ: въ книжн. магазинѣ Н. И. Мамонтова, Ф. Л. Жаке, въ центральной конторѣ объявленій и у Пенчювской; въ Саратовѣ — въ магазинѣ Приволжской книжной торговли, въ Ростовѣ-на-Дону — у Ирѣнова, въ Казани — въ книжномъ магазинѣ Дубровина, въ Харьковѣ — у Буколевскаго, въ Киевѣ — у Югансона, въ Одессѣ — у Бѣлаго и у Пшотровскаго, и въ Кутаисѣ — у Николадзе.

ФАЛАНГА

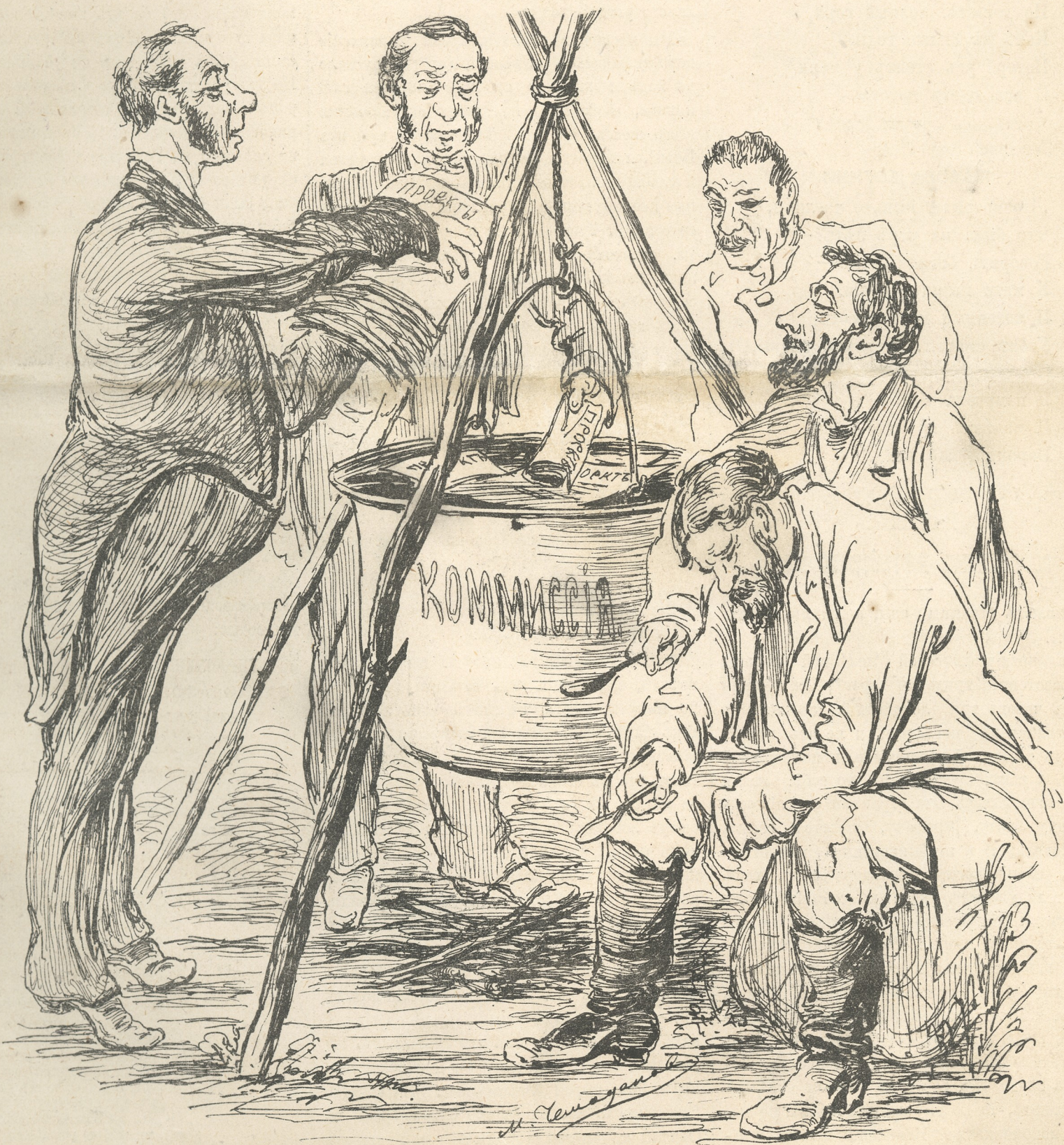
ХУДОЖЕСТВЕННО-ЮМОРИСТИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ

ЕЖЕНЕДѢЛЬНОЕ ИЗДАНИЕ.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:
 Въ конторѣ редакціи, на Эриванской площ. въ д. Харазова № 3 въ Тифлисѣ.
 Контора открыта ежедневно отъ 9 до 2 и отъ 5 до 7 часовъ вечера.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ:
 Съ доставкою на домъ:
 На 1 годъ . . . . . 8 руб. — к.
 „ 6 мѣсцевъ . . . . . 4 „ 50 „
 „ 3 мѣсца . . . . . 2 „ 50 „

Съ разсылкою по Имперіи:
 На 1 годъ . . . . . 8 руб. 50 к.
 „ 6 мѣсцевъ . . . . . 5 „ — „
 „ 3 мѣсца . . . . . 2 „ 75 „

Сиди у моря да жди погоды — общая наша участь.

СЪ НАЛЕТА

I

ДУРНОЙ КЛИМАТЪ

Было время, въ Петроградѣ
Мы твердили бодро:

„Погодите, Бога ради,—
Еще будетъ вѣдро!“

Словно дни, года летѣли...
Наша юность, гдѣ ты?
Мы обрюзгли, посѣдѣли—
Скверныя примѣты!

Но донинѣ, полный гора,
Какъ въ былые годы,
Петербургъ стоитъ у моря
И все ждетъ погоды.

II

ЖАЛОБА БОГИНИ

„Посмотрите, нынче та-ли я,
Что была на утрѣ лѣтъ?—
Говоритъ богиня Талія:—
У меня пышнѣе талія,
И казенный мой корсетъ
Узокъ сталь... я громко сѣтую,
Ставши женщиной давно;
Я измучена діетой,
И надѣюсь на одно
Воронцовское вино.“

Д. М.

Петерб. 7 сент. 1881 г.

ПО ВОЛНАМЪ ЖИТЕЙСКАГО МОРЯ

Бываютъ странныя сны, а на яву странно!
нѣ!...

На поти-тифлисской желѣзной дорогѣ, на разстояніи тридцати верстъ, въ теченіи трехъ часовъ три локомотива изъ годныхъ обратились въ негодные; и не отъ какой-нибудь особенной причины или посторонней силы, а такъ, просто, сами по себѣ, взяли да и испортились. Эта странная случайность нашему брату, профану, кажется весьма удивительною и необыкновенною; напротивъ того, специалисты-желѣзнодорожники, какъ читатели увидятъ ниже, къ событію этому относятся совершенно равнодушно и не видятъ въ немъ ничего такого, что выходило бы изъ ряда вонъ и нарушало установленныя на поти-тифлисской желѣзной дорогѣ порядки. Специалистамъ, разумѣется, и книги въ руки. Да и въ сущности тутъ дѣйствительно ничего нѣтъ удивительнаго. Если на почтовыхъ дорогахъ лошади болѣютъ и падаютъ, то почему же не болѣть и не падать локомотивамъ? Наконецъ, можетъ всегда случиться, что на протяженіи трехъ

верстъ и въ теченіи трехъ минутъ сломается тридцать три локомотива, и тогда не останется мѣста для удивленія, если мы будемъ теперь удивляться тому, что на протяженіи 30 верстъ и въ теченіи трехъ часовъ сломалось три паровоза. На другихъ желѣзныхъ дорогахъ людей ломаютъ, а наша Закавказская только локомотивы. И за то спасибо!...

Удивительно во всемъ этомъ только то, что локомотивы къ употребленію совершенно годные вдругъ оказываются черезъ часъ ѣзды никуда негодными. Такое мгновенное заболѣваніе совершенно здоровыхъ паровозовъ можетъ привести въ тушкѣ хоть какого угодно медика.

Мы не смѣемъ думать, чтобы управленіе поти-тифлисской желѣзной дороги пускало въ ходъ и ввѣряло срочные пассажирскіе поѣзда, которыхъ ежедневно отправляется всего шесть (три изъ Тифлиса и три изъ Поти), локомотивамъ сомнительнаго здоровья и слабago тѣлосложенія. Мы вполне увѣрены, что почтенное управленіе отправляетъ со станцій превосходные и крѣпкіе паровозы. Поэтому-то такое странное явленіе, какъ внезапное заболѣваніе во время пути совершенно здоровыхъ паровозовъ, мы ничѣмъ другимъ не можемъ объяснить, какъ эпидемическою болѣзнью, которая свирѣпствуетъ надъ желѣзнодорожнымъ скотомъ. Несчастный скотъ этотъ, т. е. локомотивы, нагѣрно, пораженъ чѣмъ-либо въ родѣ сибирской язвы или чумы. Мы вполне надѣемся, что наше просвѣщенное медицинское общество обратитъ свое ученое вниманіе на эту закавказскую язву, такъ свирѣпо поражающую закавказскіе локомотивы мгновенными заболѣваніями.

* *

Вотъ, какъ произошла эта несчастная исторія трехъ локомотивовъ:

7-го сентября сего 1881 г., пассажирскій поѣздъ, выходящій изъ Тифлиса въ 9 час. 20 минутъ, выдти въ этотъ часъ не могъ, такъ какъ встрѣчный пассажирскій поѣздъ запоздалъ. Сей же послѣдній запоздалъ потому, что съ его локомотивомъ случилось на дорогѣ болѣзненное припадокъ. Это одинъ локомотивъ. Его привели на станцію подъ руки, уложили въ постель, смазали надлежащимъ масломъ и послали за докторомъ. Въ началѣ одиннадцатаго отправили, наконецъ, изъ Тифлиса утренній поѣздъ съ совершенно здоровымъ локомотивомъ, который кричалъ и рѣвился, какъ малый ребенокъ. Но не успѣлъ еще этотъ запоздавшій поѣздъ пріѣхать на первую станцію, въ Овчалы, какъ вдругъ локомотивъ его закашлялъ, застоналъ, задрыгалъ колесами и испустилъ... паръ. Это второй локомотивъ. На счастье пассажировъ явился въ это самое время въ Овчалы съ другой стороны товарный поѣздъ съ здоровымъ локомотивомъ. Локомотивъ

этотъ сейчасъ-же прицѣпили къ пассажирскому поѣзду и сей послѣдній помчался. Но каково было удивленіе гг. пассажировъ, когда, домчавшись до станціи Ксанка, этотъ третій здоровенный локомотивъ крикнулъ, звякнулъ, хлопнулъ, лопнулъ и... стопъ машина!.. Тутъ ужъ пришлось застрять. Покуда послали телеграмму въ Тифлисъ, покуда изъ Тифлиса прислали новый здоровый локомотивъ, прошло много времени, и въ г. Гори вмѣсто 11½ часовъ, какъ слѣдуетъ по росписанію, поѣздъ пришелъ въ два часа.

Такое промедленіе для нашихъ русскихъ пассажировъ, разумѣется,—сущій вздоръ, потому-что мы не англичане и цѣнность времени на нашемъ базарѣ весьма низка. Нумера суворинскаго „Времени“ у насъ дороже стоятъ чѣмъ часы времени обыкновеннаго. По этому, исторія трехъ ушавшихъ въ обморокъ локомотивовъ не оставила бы по себѣ никакихъ слѣдовъ, если-бы съ этимъ поѣздомъ не свѣрили въ Гори три члена тифлискаго окружнаго суда, которые въ 12 часовъ должны были открытъ засѣданіе и которыхъ въ Гори ждали лица, вызванныя на этотъ день въ судъ. Жрецы Оемиды, разумѣется, не могли оставить безъ вниманія скоростижное заболѣваніе трехъ локомотивовъ, какъ обстоятельство, могущее имѣть уголовную подкладку: кто его знаетъ, можетъ локомотивы эти были кѣмъ-нибудь отравлены!... По этому господа члены суда занесли на станціи Ксанка въ книгу жалобу и такимъ образомъ увѣковѣчили печальную исторію трехъ локомотивовъ.

* *

На жалобу эту, подписанную членами суда: гг. Палибинимъ, Тулаевимъ и Полторацкимъ, данъ былъ желѣзно-дорожнымъ управленіемъ весьма обстоятельный отвѣтъ, каковой мы воспроизводимъ здѣсь съ фотографическою точностью:

УПРАВЛЕНІЕ ЗАКАВКАЗСКОЙ

ЖЕЛѢЗНОЙ ДОРОГИ.

УЧАСТОКЪ

ПОТИ-ТИФЛИССКІЙ

СЛУЖБА ДВИЖЕНІЯ
№ 3331

Тифлисъ, 12 сент. 1881.

Члену Тифлискаго Окружнаго Суда господину Палибину.

На жалобу, записанную вами, совместно съ гг. Полторацкимъ и Тулаевимъ, въ книгу претензій, на станціи Ксанка, 7 сего сентября, г. управляющій дорогою положилъ нижеслѣдующую резолюцію, каковую имѣю честь покорнѣе просить сообщить гг. Полторацкому и Тулаеву:

„Министерству путей сообщенія и правленію дороги хорошо извѣстно, что недостатокъ количества подвижнаго состава и средствъ его ремонта, при существующемъ движеніи на Закавказской желѣзной дорогѣ, не позволяютъ поддерживать вполне правильныя ходъ поѣздовъ. До устранения

„этих затруднений управление „дороги поставлено въ невозможность вполне устранять „справедливое неудовольствие гг. „пассажировъ за промедленіе „въ пути“.

Начальникъ движенія (слѣдуетъ іероглифъ, который удастся прочесть развѣ только археологическому свѣзду).

Что конія съ поллинымъ вѣрна,
въ томъ удостовѣряетъ „Фаланга“.

**

И благородно, и кратко, и ясно!... Эка моль, на что вздумали жаловаться!.. на безпорядки... Это все мы и безъ васъ отлично знаемъ. Вотъ, если-бы вы пожаловались на то, что все въ полномъ порядкѣ, то тогда мы сейчасъ-же приняли бы энергическія мѣры, дабы опять водворить безпорядокъ. На то, чтобы самимъ себѣ назначать десяти-тысячныя жалованья, на это у насъ средства есть, а для того, чтобы держать въ исправности локомотивы, доставлять аккуратно пассажировъ и грузы и не подвергать ѣдущихъ неприяностямъ и опасности, отправляя ихъ съ искалѣченными паровозами,—на это у насъ денегъ нѣтъ и это не наша вина, потому-что само министерство объ этомъ знаетъ! Резонно!!!..

Говорятъ, что недавно смѣненъ былъ начальникъ тифлискаго депо за неисправность локомотивовъ. Если неисправность эта, такъ сказать, законная, то спрашивается, за что же уволили этого начальника? А если она не законна, то почему-же теперь не смѣнять кого-нибудь повыше стоящаго, хотя-бы, на примѣръ, этого самаго іероглифа, начальника промедленія..... то бишь движенія?

Во всякомъ случаѣ, нельзя не назвать странной желѣзную дорогу, которая сама откровенно заявляетъ, что она ничего не можетъ сдѣлать противу того, чтобы ея движеніе на парѣ не было похоже на движеніе на парѣ... полуживыхъ лошадей!!!..

Зачѣмъ же тогда, спрашивается, существуетъ желѣзная дорога? неужели-жъ только для того, чтобы служащіе на ней получали тысячные вознагражденія и адвокатъ. Даниловъ пользовался сочными плодами желѣзнодорожной юстиціи?..

**

Сильные люди—далеко!..

Слабые гибнутъ подъ гнетомъ нужды,
Всюду, во имя порока,
Давать и душать широко
Правды и чести слѣды..

Вѣрить въ разсвѣтъ мы давно перестали,
Гдѣ же найти намъ могучихъ вождей?
Жатвы родныя не встали
Безъ благодатныхъ дождей...

Ночь безотраднa, звѣзды ни единой...
Грозно суровыя тучи висятъ...
И надъ несчастной забытой равниной,
Словно надъ дряхлой руиной
Призраки только скользятъ...

В. Немировичъ-Данченко.

АЛЬБОМЪ КУРЬЕЗОВЪ

„Новое Время“, обсуждая значеніе обнародованнаго 9 Сентября Положенія о государственной охранѣ, говоритъ между прочимъ:

„Хотя Положеніе усиленной охраны оставляетъ за мѣстной администраціей чрезвычайныя права относительно ареста, обыска и высылки подозрительныхъ лицъ, но при этомъ вводитъ чрезвычайно важное, *гарантирующее личную неприкосновенность*, правило: аресты допускаются лишь на „срокъ“.

Вотъ, что называется „пересолить“, усердствуя! Выходить, по „Новому Времени“, что личная неприкосновенность гарантируется *срочнымъ арестомъ!*

Въ среду, въ тифлискомъ театрѣ, на представленіи фокусника г. Эпштейна произошелъ слѣдующій курьезъ: г. Эпштейнъ взялъ шляпу у одного сидѣвшаго въ первомъ ряду крупнаго тифлискаго подрядчика и затѣмъ началъ въ воздухѣ, на глазахъ публики, ловить серебряныя рубли и класть ихъ въ эту шляпу. „Не мудрено, что деньги со всѣхъ сторонъ летятъ въ подрядчиковскую шляпу.—крикнулъ голосъ изъ райка. Этимъ подтвердилось то, что пророческія и праведныя слова всегда съ „высоты“ раздаются.

Кто у насъ—самые талантливые писатели?—Вс. Соловьевъ, Н. Каразинъ, Н. Морской, В. Авсеенко и П. Гнѣдичъ.

Вы не вѣрите? такъ прочтите объявленіе объ изданіи „Нивы“ въ 1882 г.

КЪ НѢМЕЦКОЙ СВОБОДѢ

(изъ гейне)

Босою шляться по болотамъ—
Не будетъ твой печальный рокъ;
Ты сапоги получишь скоро
И не пойдешь ты безъ сапогъ.

**

А чтобы не дать ушамъ промерзнуть,
Съ открытой стоя головой,
Ты въ зимній холодъ запасешься
Прекрасной шапкой мѣховой.

**

И о тебѣ повсюду будетъ
Гремѣть восторженная рѣчь;
Но ты лукавому сатиру
Не дозволяй себя увлечь.

**

Прекрасно будешь ты питаться;
Но... чтобы избавиться невзгодъ,
Не будь задорна съ бургомистромъ
И чти вліятельныхъ господъ!...

А. Немеровскій.

АФОРИЗМЫ И ЗАМѢТКИ

Никогда зло, нами содѣланное, не дадутъ намъ столько ненависти и преслѣдованій, сколько ихъ навлекаютъ наши хорошія качества.

**

Дѣйствительная истина никогда не приноситъ столько добра, сколько кажущаяся—зла.

**

Злодѣи были бы менѣе опасны, еслибы у нихъ не было ни одной хорошей черты въ характерѣ.

**

Только сильный можетъ быть откровеннымъ.

**

Когда мы любимъ, то сомнѣваемся въ томъ, чему наиболее вѣримъ.

**

Никакая ссора не могла бы долго продолжаться, еслибы была виновата только одна сторона.

**

Слабые люди любятъ зависимость, такъ какъ въ ней они видятъ поддержку; они любятъ законы, потому что боятся людей.

**

Нужно имѣть твердый характеръ и гибкій умъ.

**

Дуракъ, обладающій хорошей памятью, знаетъ много дѣльныхъ мыслей и фактовъ; тѣмъ не менѣе онъ не способенъ вывести изъ нихъ ни одного заключенія.

**

Терпѣнье можно иначе назвать умѣньемъ надѣяться.

**

Пороки никогда не зависятъ отъ недостатка ума.

**

Искусство нравиться—тоже, что искусство обманывать.

**

Побужденія страсти сильнѣе совѣтовъ разсудка; такъ какъ для „дѣйствія“ страсть даетъ больше силы.

**

Кто не умѣетъ занять себя, тотъ любитъ занимать другихъ.

**

Вельможи могутъ испытывать только удовольствіе; радости же испытываетъ только работникъ.

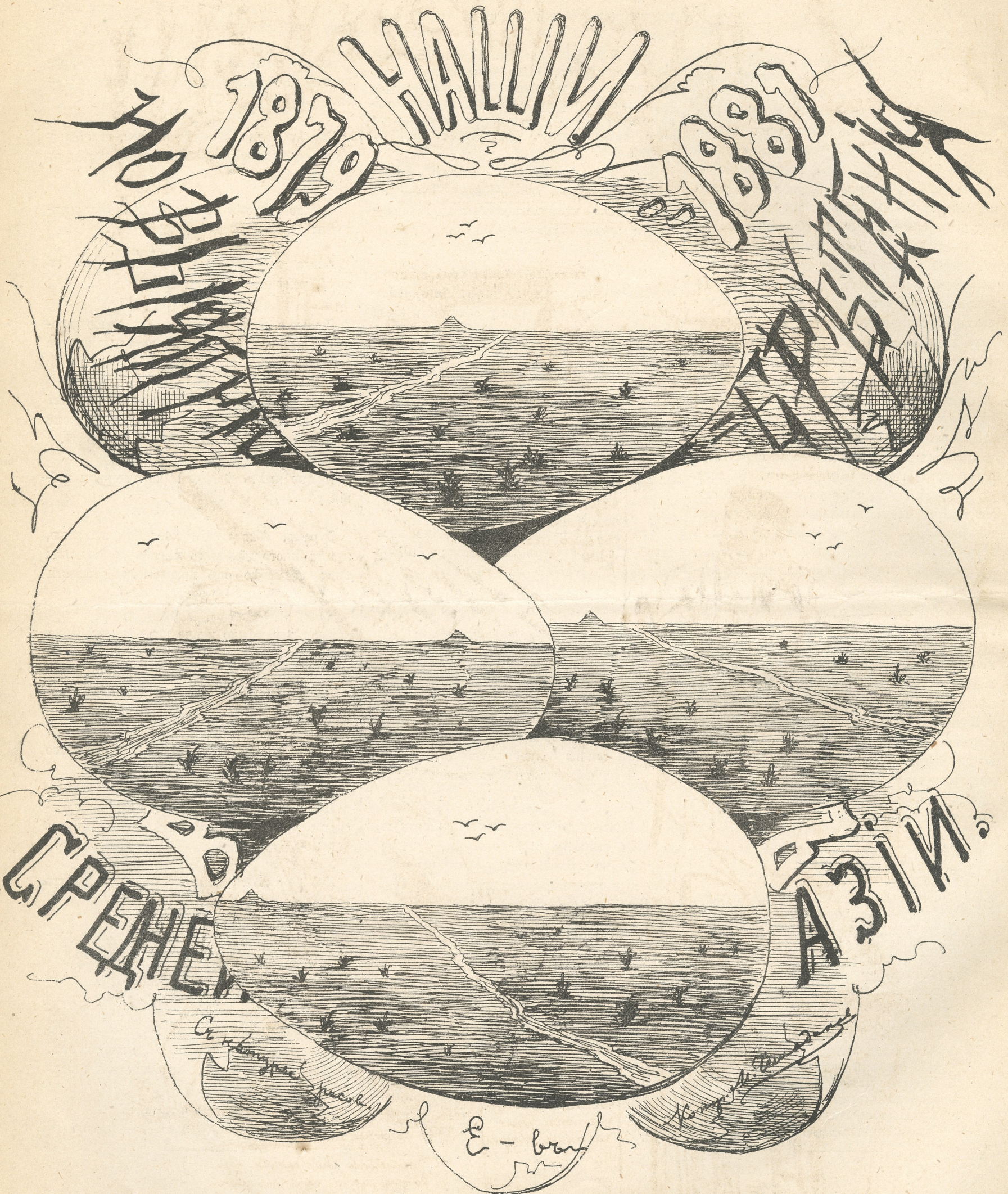
**

Ришелье тѣмъ великъ, что заставилъ короля Франціи играть вторую роль въ своемъ королевствѣ и первую въ Европѣ; онъ, умаливъ его значеніе, возвеличилъ его царствованіе. (Монтескье).

Перевелъ и записалъ

Иванъ—да—Марья.

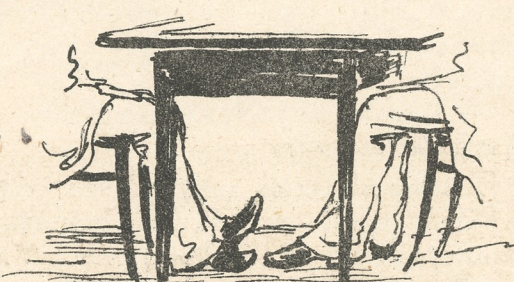

— Четыре наиболее разнообразных и живописных вида ахаль-текинскаго оазиса, съ пролегающимъ по немъ „путьемъ Славы“.

1. Не берет.

2. Карта ценно.

3. Муза!!

4. -Ва! Черт тебя возьми с твоими музами!... Уф! прямо ка нозы!

5. Движимый келовководитель подумал, что не прокатит кучи страданий и зараньше идеями предпринимателя предугадать на радио твоя господь офф-объе ситуация преобразительнее его подражения морей (в трех вариантах).

а. Снабдить шорные столы перевозочными аппаратами при каждой стуле.

б. Приобрести обувь особой конструкции с сжимателем для ноги. Каждый шорник должен предварительно снять свою обувь, ввиду возможности легкого выскальзывания ноги при частых музах.

в. Увеличить комплект при-слуши, дабы при каждой стуле было по келовке, а для более сильных особ по два и по три.

* *

Нѣтъ больше пѣсенъ для любви!
 Намъ нуженъ бичъ, нужна сатира:
 Громи, поэтъ, пороки міра
 И на борьбу со зломъ зови!

И о любви поэтъ молчить:
 Въ минуты счастья и страданья
 Его уста хранить молчанье,
 И только „сердце говорить!“

А. Тх -

ЗА ДОБЫЧЕЙ

На археологической экскурсіи

...Какъ только предѣлатель объявилъ, что въ воскресенье члены съѣзда приглашаются на экскурсію, Бардзимъ началъ хлопотать о томъ, какъ-бы проѣхать, какъ онъ выражался, „на даровщину“. Ему пришла мысль назваться корреспондентомъ газеты „Другента“ (по-русски „Враль“). Когда онъ представился предѣлателью подъ этимъ именемъ, то послѣдній подозрительно на него посмотрѣлъ, но все-таки выдалъ билетъ, сильно сомнѣваясь въ существованіи подобной газеты. Билетъ былъ добытъ. Бардзимъ теперь сталъ задумываться, какъ-бы и на вокзалъ поѣхать на „радлевскій счетъ“, ибо извозчикъ запросилъ съ него за раннюю пору пять рублей. Усилія его остались тщетными: оказалось, что для этого нужно жить во дворцѣ. Дѣлать было нечего, мы рѣшили взять вмѣстѣ фаэтонъ. Какъ только локомотивъ засвисталъ, началъ капать дождь. Бардзимъ увѣрялъ, что это не къ добру. Когда мы остановились во Мцхетѣ, то шелъ настоящій ливень. Не смотря на это, вся процессія направилась къ деревнѣ. Передъ тѣмъ, какъ идти, Бардзимъ поинтересовался узнать, не принимаются-ли въ буфетѣ мѣры насчетъ закуски. Оказалось, что въ буфетѣ ничего неизвѣстно, что крайне его опечалило. Процессія протянулась почти на версту (насъ было 110 человекъ); на мосту мы встрѣтили аробщиковъ, которые, снявъ шапку, набожно перекрестились и что-то спросили у Бардзима на грузинскомъ языкѣ. Бардзимъ покотился со смѣху; оказалось, что крестьяне поинтересовались узнать, кого хоронять?! Бардзимъ отвѣтилъ: „науку“, изъ чего они заключили, что, вѣроятно, покойный былъ военный человекъ. Пришли на мѣсто раскопокъ. Бардзимъ выбралъ одну могилу, взял рабочихъ и началъ копать съ большимъ рвеніемъ, такъ какъ было объявлено, кто что найдетъ, тому то и принадлежитъ. Бардзимъ мнѣ шепнулъ, что тутъ непременно будетъ кладъ, ибо онъ слышалъ отъ своей старой няни, что тутъ одна персидская царица, вышедшая замужъ за ниневійскаго могола, во время переселенія народовъ съ запада на востокъ, чихнула, вслѣдствіе чего

у ней разорвался.... жемчужный поясъ, весь усыпанный изумрудами, котораго она не пожелала поднять. Вырыли аршина на два землю, но ничего не нашли. Вдругъ въ землѣ показалось что-то круглое, зеленое; „стой,—нашелъ изумрудъ!“ крикнулъ Бардзимъ и бросился въ могилу. Какъ только онъ взял изумрудъ, послѣдній растаялъ! Это было ничто иное, какъ зерно винограда, брошенное одной археологисткой, которая, соскучившись надъ копаньемъ, лакомилась виноградомъ. Бардзима встрѣтилъ дружный смѣхъ! Онъ страшно переконфузился, бросился вонъ, и чуть не „расквасилъ физиономію“, какъ онъ выразился, одному тифлисскому ходатаю по дѣламъ. „Счастье, что посторонился, а то-бы крѣпко избилъ, — сказала Бардзимъ, но—все равно—въ Кутаисѣ кто-нибудь его избьетъ, потому у него лицо такое, которое просится на „смазку“!...

— Господа! не угодно-ли вамъ закусить! раздался голосъ.

Всѣ поспѣшили въ домъ инокинъ, обращенный на этотъ разъ въ импровизованную столовую! На дворѣ вертѣли шишлыки! Мы съ Бардзимомъ вошли въ комнату нѣсколько позднѣе. Въ комнатѣ былъ невообразимый хаосъ; это нѣсколько смутило Бардзима, но послѣ онъ утѣшился тѣмъ, что это—признакъ времени! Но, увы, онъ вскорѣ убѣдился, что скромностью ничего не возьмешь, ибо тутъ шла отчаянная борьба за существованіе! Не долго думая, онъ толкнулъ въ бокъ одного „антропофага“, наступилъ на мозоль филологу, вытѣснилъ антикварія и, преспокойно усѣвшись, наполнилъ тарелку пловомъ! Между тѣмъ раздавался голосъ неутомимаго амфитриона, г. Радде, который выкрикивалъ: „шишлыкъ! пловъ!“ и всѣ бросались на него, вырывая другъ у друга тарелки! Бардзиму это очень нравилось и даже льстило его самолюбію, ибо въ этомъ онъ видѣлъ „ассимиляцію ученыхъ съ простыми смертными!“ Онъ увѣрялъ, что останься они мѣсяца два здѣсь, ихъ можно будетъ „ассимилировать“ до того, что въ концѣ концовъ они станутъ плясать подъ зурну „кинтойскую пляску“!

Какъ только мы тронулись изъ Мцхета, первой мыслью Бардзима было: гдѣ мы пообѣдаемъ! Однако ему не долго пришлось терзаться этой мыслью: вошелъ г. Радде и объявилъ всѣмъ пассажирамъ, что они приглашены обѣдать въ Михайловѣ. Бардзима это нѣсколько развеселило; онъ началъ знакомиться съ сосѣдями. Бывшему съ нами г. Юшкову онъ рекомендовалъ профессоромъ чего-то... Вообще, мы приняли за правило именовать другъ друга профессорами, такъ что едва-ли какому-нибудь поѣзду на свѣтѣ приходилось возить столь тяжелый умственный грузъ, какъ нашъ. Милѣйшему доктору Радде Бардзимъ далъ названье профессора „пнатологіи“, такъ какъ почтенный докторъ

въ своемъ рефератѣ доказывалъ, что голубь, прилетѣвшій къ Ноеву ковчегу, держалъ въ клювѣ не вѣтвь оливковаго дерева, а вѣтвь „пшати“.

Въ Михайловѣ насъ встрѣтилъ богато сервированный обѣдъ. Поѣли и вышли. Въ концѣ стола послышалось „мравалжамісрѣ“ („многія лѣта“, грузинская застольная пѣсня), и чрезъ нѣсколько секундъ всѣ мы, профессора, начали подтягивать. Бардзима это привело въ неописанный восторгъ! По этому случаю онъ выпилъ брудершафтъ съ однимъ профессоромъ, который, къ его огорченію, оказался фотографомъ Ермаковымъ.

Приближаясь къ Кутаису, мы увидѣли какое-то зарево. Всѣ думали, что горитъ вокзалъ; но оказалось, что это просто иллюминація. Какъ только мы остановились, заиграла музыка. Всѣ Кутаисъ былъ на вокзалѣ: амкары со значками стояли шпалерами. Всѣ ахнули отъ восторга, никто не ожидалъ подобной встрѣчи! Г. Юшковъ расплакался; на вопросъ Бардзима—отчего онъ плачетъ, г. Юшковъ отвѣтилъ: „Какъ-же не плакать, когда меня такъ принимаютъ?“ Бардзимъ сталъ было доказывать, что принимаютъ не его, а заправскихъ профессоровъ; но г. Юшковъ ничего не хотѣлъ слышать и началъ „брататься“ съ кутаисцами. Намъ всѣмъ раздали билеты, на которыхъ были обозначены адресы гостинницъ и частныхъ квартиръ, въ которыхъ намъ отвели ночлегъ.

Мы съ Бардзимомъ остановились вмѣстѣ на одной квартирѣ. Намъ дали чай съ сухарями, молокомъ, вареньемъ, и затѣмъ уложили спать. На другой день человекъ доложилъ, что насъ спрашиваетъ частный приставъ. Мы переглянулись и поблѣднѣли. Бардзимъ хотѣлъ даже удрать, но, къ счастью, не нашелъ чернаго хода. Явился приставъ въ черкескѣ и отпортновался намъ. — „Да, но я ни въ чемъ не виноватъ“, пробормоталъ отъ страха Бардзимъ; ноги у него подкосились, и онъ грузно опустился на диванъ. Недоразумѣніе скоро разъяснилось: приставъ „доложилъ“ намъ, чтобъ мы собрались къ десяти часамъ въ гостиницу „Ливадія“, для поѣздки въ Гелатъ, и даже спросилъ, не будетъ ли какихъ-нибудь приказаній. Мы пожали приставу руку и проводили его до дверей. Какъ только онъ скрылся, Бардзимъ набожно перекрестился. Во дворѣ гост. „Ливадіи“ насъ усадили въ фаэтоны и отправили въ Гелатъ. Какъ только мы вошли въ ограду монастыря, Бардзимъ направился въ жилище монаховъ узнать, будетъ-ли закуска. Онъ вышелъ оттуда сияющимъ и шепнулъ мнѣ, что готовится холодная губернаторская закуска. Не успѣли мы еще осмотрѣться, какъ раздавался голосъ: „гг., не угодно-ли закусить?“ Всѣ отправились на балконъ дома „стражей развалинъ“, гдѣ былъ сервированъ роскошный завтракъ. За обѣ-

Домъ говорилъ г. Юшковъ (учитель реальнаго училища); онъ благодарилъ кутаисцевъ за приемъ; сказалъ, что чуть не расплакался отъ восторга, когда его встрѣтили въ вокзалѣ, и просилъ кутаисцевъ выбрать четырехъ археологовъ въ почетные граждане, „чѣмъ вы мнѣ, маленькому человѣку, доставите большое удовольствіе“—заклучилъ онъ. Всѣ потушили взоры: будущимъ почетнымъ гражданамъ стало неловко. Г. Юшковъ, кажется, понялъ, что поналъ въ болото, ибо онъ началъ приставать къ упомянутымъ гражданамъ съ вопросомъ, „не обидѣлъ ли я васъ“?..

Бардзимъ, запивъ послѣдній кусокъ холоднаго ростбифа стаканомъ краснаго вина, только-что хотѣлъ подумать объ обѣдѣ, какъ всталъ г. Стояновъ и передалъ приглашеніе города Кутаиса на банкетъ! Бардзимъ успокоился.

Въ залѣ клуба сервированъ былъ обѣдъ на 150 человѣкъ. Обѣдъ привелъ въ восторгъ всѣхъ гастрономовъ. Начали говорить рѣчи, и вскорѣ зала обратилась въ „россійскую говорильню“. Рѣчей было произнесено 31. Выпили за здоровье всѣхъ присутствующихъ. Бардзимъ хотѣлъ провозгласить тостъ за частнаго пристава, посѣтившаго насъ утромъ, но я его удержалъ.

Послѣ обѣда начались танцы; послѣ танцевъ пили чай; разошлись въ 2 часа ночи. На другой день насъ проводили съ такими-же почестями. Г. Юшковъ при прощаніи опять братался съ кутаисцами.

Въ часъ ночи, когда мы пріѣхали въ Тифлисъ и хотѣли выходить изъ вагона, мы нашли кѣмъ-то забытую записную книжку. На переплетѣ золотыми буквами было отиснено слѣдующее: „Замѣтки репортера газеты „Къ вашимъ услугамъ“. Развернувъ книжку, мы въ ней прочли:

„Воскресенье: закусывали въ 12 часовъ во Мцхетѣ; обѣдали въ 3 часа въ Михайловѣ; пили чай въ 10 ч. въ Кутаисѣ“

„Понедѣльникъ: пили чай въ 8 час. утра на квартирѣ; закусывали въ 12 час въ Гелатѣ; обѣдали въ 7 часовъ въ Кутаисѣ; пили чай въ 12 час. ночи тамъ-же.“

„Вторникъ: пили чай въ 8 час. утра на квартирѣ; пили водку въ 1 час. на кутаисскомъ вокзалѣ; закусили въ Квирилахъ въ 2 часа; перекусили въ Бежатубани въ 4 часа; обѣдали въ 7 часовъ въ Михайловѣ.“

„Видѣли слѣдующія замѣчательныя древности...“

Далѣе бумага была совершенно чистой.

ТЕПЕРЬ КУДА?

(изъ гейне)

Теперь куда-же? Ноги рвутся
Въ страну родимую, домой,
Но мнѣ разсудокъ осторожный
Твердитъ, качая головой:

„Миръ заключенъ, но судъ военный
„Остался въ силѣ все равно;
„А онъ тебя, вѣдь, къ смертной казни
„Приговорилъ уже давно.“

Да, это правда: къ разстрѣлянью
Я не гожуся — не герой,
И патетически ломаться
Не научился предъ толпой...

Быть можетъ, въ Англію помчаться—
Къ всегдашнимъ практикамъ сухимъ?
Но мнѣ, ей-ей, нагонитъ рвоту
Британскій духъ и вѣчный дымъ.

А что-жь? Не лучше-ль будетъ къ янки?
Братолюбивая страна,
Свободы скованная цѣпью!
Но—нѣтъ!—страшитъ меня она:

Безъ короля играетъ въ кегли,
Любя свободу, Новый свѣтъ;
Жуютъ табакъ американцы,
Но тамъ... плевалницы вовсе нѣтъ!

А чѣмъ-же худо-бы въ Россію?
Прекраснѣй края не найдешь...
Но русскій кнутъ и холодъ вспомню—
И пробѣжить по тѣлу дрожь.

Куда-жь? Въ печальномъ размышленьѣ
Бросаю взоры къ небесамъ,
Но не могу средь миллионовъ
Своей звѣзды найти и тамъ.

Бѣдняжка! Вѣрно заблудилась
Она въ небесной высотѣ,
Точь въ точь, какъ я бошелъ съ дороги
Въ земной житейской суетѣ...

А. Немеровскій.

ТОЛЬКО-БЫ ОКОНЧИТЬ!

(Навросокъ)

— Эхъ, только-бы мнѣ окончить поскорѣй! А ужъ тогда-бы я... говорилъ Николай Михайловичъ Саердоновъ, молодой студентъ-медикъ V-го курса, и возбужденно ерошилъ свои косматые, черные, какъ смоль, волосы.

— Ну, что же-бы ты тогда? съ любопытствомъ спрашивали его товарищи.

— Что? да ужъ не сидѣлъ бы впроголодь, какъ теперь! Нашелъ бы, гдѣ раки зимуютъ!... Зажилъ бы себѣ съ шикомъ, припѣваючи! откровенно пояснилъ Саердоновъ, смѣло проповѣдывавшій, что борьба за существованіе—величайшее и единственное право всего живаго... Товарищи его молча перемигивались между собою и молча пожимали плечами. Возражать что-либо Саердонову они не хотѣли: одни потому, что втайнѣ сочувствовали ему и раздѣляли его взгляды, другіе потому, что слишкомъ ужъ много приписывали его благонадежности.

И вотъ, наконецъ, онъ окончилъ...

— Эхъ, заведу-же я теперь себѣ лошадей, лучшихъ въ городѣ! А каретѣ моей самъ губернаторъ завидовать станетъ!—воскликнулъ онъ радостно, получая свой лекарскій дипломъ.

Но судьба распорядилась иначе.

Саердоновъ былъ сынъ бѣднаго сельскаго дьячка и получилъ возможность окончить, благодаря субсидіямъ—скаго земства, а потому, по окончаніи, долженъ былъ или отслужить, по условію, пять лѣтъ земству, или же уплатить ему одновременно всю забранную у него сумму вѣвойнѣ. Но денегъ у Саердонова, какъ и слѣдовало, конечно, ожидать, не оказалось, и онъ прежде, чѣмъ купить себѣ лошадей и карету, долженъ былъ отправиться въ глушь, въ наши широкія придѣпровскія степи и тамъ очутиться въ положеніи безызвѣстнаго и обремененнаго работой участковаго земскаго врача. Можете себѣ представить, съ какой кислой улыбкой взялся онъ тамъ за отправленіе своихъ такъ много сулившихъ ему лекарскихъ обязанностей!

Онъ началъ съ того, что прежде всего раскритиковалъ въ пухъ и прахъ отведенное для него помѣщеніе при Голодаевской волости и рѣшительно объявилъ, что до тѣхъ поръ будетъ жить въ городѣ, пока не дадутъ ему помѣщенія лучше. Въ городѣ, впрочемъ, жить ему не пришлось. Голодаевскій молодой помѣщикъ предложилъ ему помѣщеніе у себя въ домѣ и вскорѣ новоиспеченный земскій врачъ, со своимъ тощимъ старымъ чемоданомъ, занялъ три великолѣпно убранныхъ комнаты въ богатомъ новомъ домѣ степнаго Лукулла, гремѣвшаго своимъ богатствомъ и своими кутежами на весь уѣздный миръ...

— Э-ге! до „дохтура“ теперь, вѣрно, и доступиться нельзя будетъ! заговорили тогда голодаевцы-крестьяне,—ишь, какой онъ характерный: у насъ, на селѣ, и жить не захотѣлъ...

И точно, „дойти додохтура“ стало трудно!

Характерный докторъ съ каждымъ днемъ становился все гордѣе и гордѣе. Безъ доклада къ нему не допускали никого, а допущенные по два и по три часа ожидали его въ передней. Говорили, что докторъ занятъ, не спалъ ночь, возился все съ больными, что, наконецъ, и самъ онъ чувствуетъ себя не совсѣмъ хорошо. Но докторъ выходилъ розовый, полный и здоровый; оказывалось, что слуги вралли,—что чувствуетъ онъ себя какъ нельзя лучше и что если онъ и былъ чѣмъ-нибудь занятъ, то никакъ не больными и не пригласеніемъ для нихъ лекарствъ...

— Ну, дохтуръ! покачивали головами старики,— всю ночь съ барчукомъ въ карты играть, а день спать... это дохтуръ! И пошли на новаго голодаевскаго врача доносы и жалобы въ губернію... Но управа, слѣдуя мудрой поговоркѣ „воронъ ворону глазъ не выклюетъ“, безмолвствовала...

Докторъ между тѣмъ благодумствовалъ. И неудивительно: крестьяне осторожно обходили его, предпочитая обращаться къ своимъ знахарямъ и знахаркамъ (не въ примѣръ спокойнѣе!), а степной Лукуллъ оказался предобрѣйшимъ малымъ. Онъ, какъ куръ во щи, поналъ въ загребистыя ланищи безнощаднаго молодого эскулапа, представившаго право борьбы за существованіе всѣмъ, себѣ же прежде всѣхъ. Уже мечты Саердонова грозили своимъ близкимъ осуществленіемъ, какъ вдругъ... какъ вдругъ случилось нѣчто невѣроятное, почти невозможное... Но позвольте рассказать вамъ все, какъ было, по порядку.

У степнаго Лукулла была кузина. Кузинѣ этой было лѣтъ за сорокъ, но не смотря на такой почтенный возрастъ, она все еще дѣвствовала. Изъ этого, впрочемъ, еще отнюдь не слѣдуетъ, что она дѣвствовать желала... Нѣтъ, напротивъ того, ни чьи мечты о семейномъ счастьи не были такъ

радушны, какъ ея; но въ то-же время никто и не стремился къ ихъ осуществленію такъ напрасно, какъ она. Виной тому были три обстоятельства: 1) она была страшно безобразна: дѣти ревѣли при видѣ ея; 2) она была зла такъ, какъ только можетъ быть злой старая сорокалѣтняя дѣва, начинающая чувствовать, что ея пора уже миновала, и 3) не смотря на богатство кузена, ничего ни наслѣдственнаго, ни благопріобрѣтеннаго она не имѣла. Тѣмъ не менѣе, со времени прибытія въ Голодаевку молодого земскаго врача Сакердонова, Лукерья Никитишна (такъ звали сорокалѣтнюю кузину Лукулла) вся обратилась въ ожиданіе. Чего ужъ она ждала, Богъ ее вѣдаетъ, но только не прошло и мѣсяца со времени этихъ ожиданій, какъ произошло слѣдующее:

Была ночь, тихая, чудная лѣтняя ночь, звѣздная, ясная, благоухающая. Въ кустахъ сирени и крыжовника звенѣли соловьи, въ высокой зеленой травѣ перекликались сверчки, и насвистывали свои сонеты влюбленные перепела; а за садомъ тихо и ровно катилъ темныя, мгlistыя воды широкій-широкіи Днѣпръ. Измученные тяжелой дневной работой, голодаевцы спали... Не спали только голодаевскій молодой баринъ, да его новый коллега, Николай Михайловичъ Сакердоновъ. Они играли въ карты. Лукуллъ, по обыкновенію, жестоко проигрывалъ, а Сакердоновъ самодовольно улыбался и тихо напѣвалъ про себя: „gaudeamus igitur“... Не спалъ и еще кто-то. То была Лукерья Никитишна. Высунувъ свою безобразную голову въ открытое окно, выходившее въ садъ, она молча прислушивалась къ мѣрному шуму и плеску волнъ Днѣпра и звону и свисту влюбленныхъ пернатыхъ. Какъ вдругъ что-то, шурша листьями, быстро промелькнуло мимо окна, и затѣмъ какая-то женщина, вся въ черномъ, быстро взбѣжала по гранитной лѣстницѣ на балконъ, ведшій прямо въ „докторскую половину“... Даже въ темнотѣ можно было бы замѣтить, какъ почернѣла и затряслась отъ гнѣва Лукерья Никитишна. Тихо, неслышно поднялась она съ своего мѣста, заперла окно и также тихо и неслышно пробралась по черному ходу въ половину доктора. Дверь оказалась запертой. Тогда она прошла чрезъ садовую калитку на балконъ и смѣло вошла въ полуотворенную дверь въ залу доктора. Зала была пуста.

— Гей! Кто тутъ? ласково и робко воззвала Лукерья Никитишна. Отвѣта не было.

Кто тутъ, говори! произнесла громче и рѣшительнѣе Лукерья Никитишна.

— Я!—и черная фигура робко выглянула изъ

докторскаго кабинета. Чистый, нѣжный, молодой голосъ хорошенькой дѣвушки такъ и прозвенѣлъ колокольчикомъ по докторской залѣ...

— Любушка? удивилась Лукерья Никитишна. Это была ея молоденькая горничная...

— Ты зачѣмъ же здѣсь въ такую пору? а?

— Я... я... замаялась дѣвушка и, очевидно, не зная болѣе, что она дѣлаетъ, со всѣхъ ногъ бросилась къ выходу.

Но не тутъ-то было. Л. Н. схватила ее за огромный черный шерстяной платокъ, въ который она укуталась, и потянула его къ себѣ съ такою силой, что Любушка, не желавшая оставить свой платокъ въ рукахъ непріятеля, едва не упала на полъ...

— Ты что же это? закричала, видѣ себя отъ гнѣва, Лукерья Никитишна, къ доктору на свиданіе ходить, что-ли, задумала... Да я тебѣ, негодница ты этакая, я тебѣ...

Но въ эту минуту во внутреннихъ дверяхъ, на порогѣ докторской половины, появился со свѣчей въ рукѣ самъ господинъ докторъ. Вообразите же себѣ его удивленіе при видѣ этихъ двухъ женщинъ. Онъ не вѣрилъ своимъ глазамъ и подошелъ ближе...

Табло...

— Нѣтъ, Колька! говорилъ послѣ этого на другой день Лукуллъ своему провинившемуся коллегѣ, я только въ томъ случаѣ могу еще простить тебѣ твое волокитство за Любушкой и оставить тебя жить въ моемъ домѣ, если ты немедленно же сочетаешься бракомъ съ сестрой Луцей... Безъ этого, извини меня, но, право, не могу, не могу же я... Теперь всему уѣзду извѣстно, какъ она влюблена въ тебя... Согласись, что не могу-же я пренебречь мнѣніемъ всего нашего общества... Къ тому-же, я долженъ тебѣ сказать, что я даю за Луцей пять тысячъ...

— Только? вскочилъ съ негодованіемъ Сакердоновъ и даже сплюнулъ... Нѣтъ, братъ, шалишь! Моя ли вина, что она врѣзалась... Нѣтъ, это не резонъ! и онъ засвисталъ...

— Ну, когда такъ, такъ убирайся-же себѣ, братъ, по-добру-по-здорову, воскликнулъ, негодуя, Лукуллъ. Не то, братъ, я тебя такою кашею поподучу, что до новыхъ метаморфозъ не позабудешь...

Что собственно хотѣлъ сказать этимъ послѣднимъ Лукуллъ—неизвѣстно; но несомнѣнно, что Колька повторить себѣ этого не заставилъ и въ тотъ-же день переѣхалъ на жительство въ предназначенное для него помѣщеніе при голодаевской волости... Эта переборка не особенно, впро-

чемъ, пришлось ему по вкусу; теперь къ нему и не подступилъ, какъ говорятъ крестьяне: либо въ морду сѣздить, либо хамами неумытыми обзоветь, либо къ маменькѣ пошлетъ...

— Ты чего пришелъ? а? беспокоитъ меня? беспокоитъ меня? привѣтствуетъ онъ одного и—хлопъ передъ самымъ его носомъ дверью...

— Ты лечишься? а? а что у тебя? покажи!... Пошолъ прочь, болванъ. Еще меня заразишь... Сифилитикъ! Вонъ! огорошиваетъ онъ другаго.

— Къ больному ѣхать, а? А чѣмъ пріѣхалъ? фургономъ? а?... Чтобъ и духу твоего здѣсь не было! У меня брюхо не желѣзное, скоты вы этакие! отвѣтствуетъ онъ третьему и, выпроводивъ его за двери, усыкаетъ на него собакъ*...

— Ишь ты, грѣхъ какой случился! заговорили тогда старики-голодаевцы, почесывая въ своихъ сѣдыхъ заплатахъ... Не задача, значить, коса-то да на камень... А—ахъ ты, Господи... Они разумѣли ссору доктора съ Лукулломъ. Однако докторъ приунылъ не очень, и, взявъ Любушку въ услуженіе къ себѣ, также, какъ и прежде, спитъ по цѣлымъ днямъ, а ночью хоть и не играетъ въ карты, какъ прежде, но большымъ мужикамъ отъ этого не легче... Помѣщики же имѣ, какъ слышно, не нахвалятся, хотя по участию своему онъ ѣздитъ не болѣе, какъ разъ въ годъ, да и то если дворянскій предводитель соизволяетъ дать ему на нѣсколько дней свою вѣнскую карету... Впрочемъ, и теперь онъ еще говоритъ: „Эхъ, только-бы окончить, окончить поскорѣй!“ Это называется—отслуживать земству его слѣпья денежки!..

А. Днѣпровскій.

ОТЪ РЕДАКЦІИ

Извиняемся передъ читателями „Фаланги“, за сѣрую бумагу, на которой мы принуждены были отпечатать настоящій номеръ. Съ слѣдующаго № „Фаланга“ приметъ снова прежній наружный видъ.

*) Желающихъ убѣдиться въ томъ, что такіе доктора на Руси дѣйствительно существуютъ, отсылаю къ корреспонденціи изъ Александровска, помѣщенной въ газетѣ „Россія“, въ №..... отъ 12 ноября 1880 г. Авторъ.

Редакторъ-издатель ИВ. ПИТОВЕВЪ.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

ВЪ ГАЗЕТНОМЪ АГЕНТСТВѢ

В. ШАВЕРДОВА

(Тифлисъ, Головинскій проспектъ, у Александровскаго сада, собств. павильонъ)

ПРОДАЮТСЯ УЧЕБНИКИ

по всѣмъ предметамъ для всѣхъ учебныхъ заведеній.

5—1

Дезинфекціонныя средства.

Желѣзный купоросъ, хлористая известь 100% содержания хлора, перекись марганца и карболовая кислота 40% получены въ большомъ количествѣ и превосходнаго качества въ аптекарскомъ складѣ В. И. Гривнака, подъ гост. Лондонъ.

(3) 30—26.

С.-Петербургская центральная контора объявленій для всѣхъ европейскихъ газетъ.

№ 11. Невскій проспектъ, уголъ Малой Морской, д. Струбинскаго.